

Вера Сытник

Цикады

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С95

C95 **Сытник В.**
Цикады / Вера Сытник – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «
Книга по Требованию», 2021. – 108 с.

ISBN 978-5-00073-221-2

Сборник включает рассказы и новеллы, действие которых происходит в России на постсоветском пространстве, в Китае, в Израиле. Автор описывает судьбы разных людей, обращая внимание на то, как они относятся к жизненным ценностям, как воспринимают любовь, как действуют, оказавшись в новых обстоятельствах. Все сюжеты имеют оттенок социальной значимости. Манера автора в изображении героев восходит к традициям русской психологической прозы, когда центром повествования становится душа человека. Писательница по-своему рисует портреты чехово-буинских «пошлых людей», живущих в наше время, зациклившихся на частном, личном. Произведения отличаются тонкой нравоописательностью, а глубины подтекста таят в себе гуманистический идеал автора.

Рекомендуется всем любителям современной прозы

ISBN 978-5-00073-221-2

© Lennex Corp, 2021
© В. Сытник, 2021

Вера Сытник

Цикагы

Сборник прозы

Издательство «Союз писателей»
Новокузнецк
2015

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)
С95

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателей запрещается

Обложка художника
Алисы Дьяченко

Сытник В.
С95 Цикады: Сборник прозы. – Новокузнецк: «Союз писателей»,
2015. – 108 с.

ISBN 978-5-00073-221-2

Сборник включает рассказы и новеллы, действие которых происходит в России на постсоветском пространстве, в Китае, в Израиле. Автор описывает судьбы разных людей, обращая внимание на то, как они относятся к жизненным ценностям, как воспринимают любовь, как действуют, оказавшись в новых обстоятельствах. Все сюжеты имеют оттенок социальной значимости. Манера автора в изображении героев восходит к традициям русской психологической прозы, когда центром повествования становится душа человека. Писательница по-своему рисует портреты чехово-буинских «пошлых людей», живущих в наше время, зациклившись на частном, личном. Произведения отличаются тонкой нравоописательностью, а глубины подтекста таят в себе гуманистический идеал автора.

Рекомендуется всем любителям современной прозы.

ISBN 978-5-00073-221-2

© Вера Сытник, Янтай, Китай, 2015
© «Союз писателей», Новокузнецк, 2015

Художественная проза Веры Сытник как феномен современной сетературы

В контексте современной сетевой литературы произведения Веры Сытник выделяются актуализацией традиций русской классики, яркими идиостилевыми проявлениями в области поэтики малых эпических жанров, языковым мастерством. Художественный анализ противоречий современной цивилизации, общества интенсивного потребления, времени морального релятивизма при одновременном утверждении культуры как меры человеческого в человеке, духовного самосовершенствования личности, идеи нравственного обеспечения социального прогресса определяют философскую глубину и эстетическую привлекательность словесного искусства талантливой писательницы. Её творчество можно рассматривать как альтернативу эрзац-литературе «контркультурных авторов», как утверждение в литературе наших дней высоких критериев художественности.

Творчество Веры Сытник, публикующей в Интернете свои произведения под псевдонимом «Николай Гантиумов», представляет собою динамичную жанровую систему, в которой домinantную роль играют малые эпические жанры. В современной сетевой литературе имя этой писательницы привлекает всё большее внимание читательской аудитории, что становится характерной приметой бытования современной сетературы. Произведения, написанные в традициях русской классической литературы, на фоне образцов современной массовой культуры и несостоявшегося отечественного постмодернизма выглядят как художественное явление, отвечающее высоким эстетическим критериям.

Корпус произведений Веры Сытник, воспринимаемый и интерпретируемый как единый текст, рождает у читателя ощущение общей неустроенности жизни на постсоветском пространстве, утраты высоких чувств и стремлений человека, подмены подлинных ценностей, в том числе и в личных отношениях, упрощённым, примитивно-телесным, бездуховным суррогатом. За судьбой конкретного человека не просматривается мощная, созидательная сила государства, общества, та идея, стремление к осуществлению которой не обесценивает индивидуальное человеческое существование. Бывшие офицеры, защитники Отечества, превратившиеся в заурядных обывателей («Летним вечером»), преуспевающие чиновники или бизнесмены, способные лишь на мгновение устыдиться тому, что растеряли высокие чувства, утратили понимание ответственности за дорогих им людей («Встреча»), женщины, лишённые нравственных понятий о супружеской верности («Как все»), – всё

это отдельные «куски» бесцельной, не настроенной по нравственному камертону жизни...

Действие рассказов может происходить в России, Китае, Израиле – в разных местах, в разное время, но всякий раз автора интересуют и волнуют человеческие судьбы с точки зрения того, осознают ли герои своё жизненное предназначение, задумываются ли о смысле жизни, есть ли в них изначальное, самоценное стремление к добру, способны ли они к жизнетворчеству, к самореализации в общеполезном деянии. Моральный критерий становится основным в арсенале возможностей авторского выражения оценки изображаемого. И далеко не все персонажи выдерживают испытание совестью, чистотой, любовью, призванием...

Альтернативой всеобщей неустроенности, в том числе и во внутреннем мире человека, выступают в рассказах Веры Сытник устремлённость к красоте («Художник»), искренность душевных порывов («Краля»), ощущение внутренней гармонии с природой («Луна и рыбак»), способность к самоутверждению и чистая любовь (мальчик, мечтающий спасти и укрыть от жизненных невзгод спившуюся мать в рассказе «Плот»). Художественному выражению содержательности такой альтернативы подчиняется в произведениях Веры Сытник поэтика хронотопа. Время-пространственные композиции становятся мастерски используемой формой выражения нравственно-эстетической позиции автора.

Художественный мир многих рассказов и своеобразных новелл композиционно организуется на основе внутреннего диалогизма разных хронотопических сфер, что диктуется законами жанра. «Случайное», новеллистическое «вдруг» создаётся функциональностью ассоциативных связей какого-либо реального, но неожиданного факта, воскрешающего в памяти рассказчика или героя события прошлого, уже прошедшего и пережитого. Так, в рассказах «Тайфун», «После дождя» разрушительные природные явления вызывают у героев по ассоциации воспоминания о весьма неприглядных поступках, совершённых в юные годы, и в результате возникает оппозиция «тогда» – «теперь», которая становится фактором, активизирующим саморефлексию героев, подводящих неутешительные итоги собственной жизни. Психопоэтика Веры Сытник, мастерство изображения «внутреннего человека» восходят к традициям русской психологической прозы, к тем художественным ситуациям, когда сама душа человека становится средоточием «борьбы» разнонаправленных детерминант.

Писательница очень тонко чувствует жанровую природу рассказа, новеллы. Жанр для неё – не формальная категория, не отвердевшая художественная конструкция. Содержательные задачи изображения жиз-

ни постсоветского времени, когда «страна перестала петь свои песни» («Письмо»), требовали от автора такой художественной инициативы, которая бы трансформировала жанровую структуру произведений «малой прозы», подчинялась бы целям изображения обыденного, заурядного, пошлого, прозаического, что явно доминировало в изменившемся укладе жизни. Жанровые трансформации – это выражение поисков нового художественного языка, характерных для современной российской прозы, и творчество Веры Сытник – показательный и примечательный в этом отношении пример. В соответствии с жанровой проблематикой рассказа и новеллы в произведениях писательницы в центре изображения оказывается «частный человек», находящийся, как правило, в рамках микросреды, своего ближайшего окружения. Сюжеты, основанные на «факте», «случае», отдельном «событии», «пропускают» энергию большого социального содержания.

Этологическая (нравоописательная) проза Веры Сытник насыщается (как у Бунина, начиная с «Чернозёма») общественной проблематикой. Вот, скажем, первый остросюжетный рассказ-новелла сборника – «Цикады»: синтез исключительности (любовь- страсть, возвышающая героев над обыденным существованием) и одновременной заурядности (почти «курортный роман») на предельно локальном жизненном материале выявляет нравственную незрелость, душевную пустоту молодых людей. Жанровая форма произведения (новелла «наизнанку»), когда центром композиции становится насекомое, а новеллистический pointe заменён вполне ожидаемым отчуждением «влюблённых», подчиняется обобщающим задачам автора. Воссоздаётся атмосфера уже знакомых читателю чеховско-бунинских «пошлых людей», но живущих в нашем времени, сосредоточившихся на эгоистически-личном, частном. Они отчуждены от поисков объединяющей идеи, лишены смысложизненных целей и ощущения перспектив даже собственного развития

Писательница в таких рассказах, как «Встреча», словно возвращается к сюжету «Тёмных аллей» И. А. Бунина, к «истории пошлой, обычновенной», которая на фоне творческих интерпретаций этого сюжета Верой Сытник, подсказанных уже современной действительностью, выглядит ещё не столь катастрофично. Поэтика «случайного» в рассказах и новеллах книги «Цикады» подчинена задачам раскрытия глубоко закономерного, именно правды жизни, определяя специфику художественного обобщения и стилевые средства выражения авторского сознания. При этом правда жизни изображается в свете гуманистического идеала писательницы, вовсе не бесстрастно. Но ценностные критерии автора не декларируются, они объективируются в глубинах подтекста.

Своеобразие идиостиля Веры Сытник проявляется в характере описаний, в повествовательной системе, образности и выразительности языка, метафоричности, в эстетически повышенной роли художественной символики. Цветовые гаммы её рассказов («Художник»), лиризм и поэтичность описаний («Луна и рыбак»), ритмическая организация прозаического текста («Осень»), пластичность и психологизм портретных зарисовок («Летним вечером»), мастерство в создании внутренней атмосферы произведения («В тумане»), разработанные формы аукториальной повествовательной ситуации, когда автор «внедряется» в точку зрения героя, сохраняя неповторимость его «голоса» («Копьё»), художественный лаконизм, во многом определяемый жанровым заданием рассказа или новеллы, – все эти черты поэтики Веры Сытник являются в такой же мере, условно говоря, традиционными (поскольку восходят к искусству слова классиков – Тургенева, Чехова, Бунина, Платонова, Шукшина), в какой и новаторскими, если иметь в виду, что этика определяет в мире её произведений «дифференциальную онтологию» (С. Л. Рубинштейн) человеческого бытия. Открытость к восприятию того, что востребовано временем, и способность к обновлению средств художественного выражения (как составляющие творческой индивидуальности писательницы), в конечном счёте, обусловлены её философией жизни, её пониманием своей ответственности перед читателями.

Особо следует сказать о художественном языке произведений. Именно в языке своего народа писательница черпает те духовные и душевые силы, которые позволяют ей противостоять расчеловечивающим тенденциям современного социума. Стилистика этих произведений не повторяется, в каждом из них сохраняется свежесть и оригинальность языка. Проза Веры Сытник притягивает читательское внимание богатством языковой палитры, естественностью, целесообразностью используемых поэтических средств. Образный, метафорически изысканный язык рассказа «В тумане», поэзия прозы в миниатюре «Луна и рыбак», краски и запахи моря, осени, сада и т. д. в новелле «Осень» – все эти формы мифологизации и художественной выразительности в повествовательной манере Веры Сытник восходят к лучшим традициям русской классической литературы, обеспечивая связь времён и эстетическую преемственность, одушевляющую художественные поиски современной российской литературы.

Вячеслав Михайлович Головко,

доктор филологических наук, профессор

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Цикады

Вкустах запели цикады. Это значит, что наступил самый разгар лета, середина июля, и воздух на берегу Жёлтого моря прогрелся настолько, что эти насекомые очнулись наконец от своей долгой вялой истомы и, пробившись к свету, начали громко стрекотать, впадая в бесконечный любовный экстаз. Я всегда с нетерпением жду этого момента, чтобы спрятаться от городского шума за причудливой музыкальной ширмой, близость к которой вызывает воспоминания о далёкой юности, рождая в душе настроение, на фоне которого хочется бросить рутинные занятия по поиску китайских производителей и засесть за роман...

Только недавно узнал, что личинки цикад могут находиться в почве от двух до четырёх лет, прежде чем превратятся во взрослых особей и выползут на поверхность земли. Об этом рассказала моя жена, когда мы стояли с ней на балконе в один из жарких солнечных дней, раздумывая: не отправиться ли на пляж вместо того, чтобы страдать в духоте квартиры? Щурясь от яркого солнца, мы смотрели вниз, на роскошные кусты граната, покрытые густой, плотной листвой, увитой редкой гирляндой оранжевых цветов в виде фонариков, на зелёную тую в ажурном наряде, на кипарис и оставались на месте. Отовсюду неслось исступлённое пение цикад.

– Четыре года созревания! – удивился я.

– А то и семнадцать лет, если дело касается большого африканского вида! – уточнила она, перегнувшись через перила вниз, словно намереваясь разглядеть нечто интересное в зелёной куще под нами.

Я усмехнулся. За семь лет в Китае никому из нас двоих ещё ни разу не удалось увидеть ни одной живой цикады, сколько бы мы ни таращились на кусты. Лишь поздней осенью, когда их звонкий стрекот постепенно смолкает и под окнами становится непривычно тихо, на вытоптанных площадках вокруг деревьев и под кустами можно заметить их высохшие, потрескавшиеся тельца. Они лежат там в большом количестве, напоминая об ушедшем

лете, но это уже печальное зрелище, никак не связанное с тем жизнеутверждающим, воинствующим пением, которое мы слышим, не видя самого хора...

– И всё для того, чтобы вырваться наружу и трещать без перепыхки! Днём и ночью! Неистово! Спариваться, откладывать яйца и, обессилев, погибнуть! Слышишь, как надрываются, привлекая самку? – спросила жена, выпрямляясь и оборачиваясь ко мне. Её круглое лицо слегка покраснело, а на висках выступили капельки пота. – Ни дать ни взять «Песнь торжествующей любви»! – с сочувствием в голосе прибавила она, словно угадав моё ностальгическое настроение.

Филологическое образование жены, долгая работа в школе выработали в ней привычку обращаться за примером к литературе всякий раз, когда нужно оценить обстановку вокруг себя, – в чём она преуспела, выуживая из океана известных ей фактов именно тот, который позволял понять самую суть момента. Вот и сейчас она верно почувствовала мою грусть и даже уловила её связь с цикадами, но вместо того, чтобы лезть с расспросами, непринуждённо заговорила о том, что касалось меня, однако всё выглядело так, будто речь шла о постороннем предмете.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Так называется одно из самых удивительных произведений Тургенева, – глаза её засияли. – В нём говорится о любви двух юношей к девушке, ставшей женой первого не по зову сердца, а по совету матери. Когда через несколько лет они встретились снова, второй юноша, познавший к тому времени науки Востока, околдовывает девушку звуками таинственной мелодии, которую он исполняет на старинной скрипке с изображением змеи на ней. «Песнь удовлетворённой любви», – говорит он, бросая взгляды на девушку. Она испытывает сначала жуткое чувство страха, недоумения, а позже, ночью, проснувшись от страстных призывов уже знакомой мелодии, в лунатическом состоянии покидает спарическую постель и идёт в тёмный парк, на свидание... Дело заканчивается тем, что муж девушки убивает своего друга, но его с помощью магии оживляет слуга друга, а девушка оказывается беременной. Вот так. А до этого – не получалось.

– Мистика... – сказал я. – Что автор хотел этим сказать? И при чём здесь цикады?

– Тургенев пытался понять, какую роль играет физическое начало в человеке, насколько сильно оно владеет им, как управляет? И ужаснулся! Ведь его героиню влечёт к мужчине нечто глубинное! Нечто неясное для неё самой и далёкое от её собственно го «я» – такого, как она его понимала до этого случая! Девушка запутывается, теряет ощущение реальности и готова погибнуть! Она сопротивляется. В повести фигурирует священник, к которому бедняжка идёт на исповедь. Соблазнитель уезжает, и она радуется, почувствовав освобождение от чар. Возможно, автор хотел разобраться, что управляет нашим подсознанием, где скрывается наше истинное «я»? Но решил не делать резких заявлений, предоставив читателю свободу суждений. А цикады ни при чём. Просто, подумав о них, о том, что они погибают, исполнив песнь любви, я припомнила эту повесть, – сказала жена и добавила, указывая вниз: – Представь, их крик бывает столь оглушительным, что пугает даже тигров в Африке!

Я недоверчиво покачал головой и предположил:

– Должно быть, время созревания цикад пропорционально тому энтузиазму, с каким они отдаются любовным песням.

– Возможно, – подтвердила жена, – чем дольше в земле, тем больше запас энергии. И всё же, как странно, – задумчиво произнесла она, – появиться на свет лишь затем, чтобы, исполнив арию, познать любовь и умереть...

Я хотел возразить и сказать: разве всё не так же, как у людей? Разве, вспыхнув между мужчиной и женщиной, любовь не исчезает вскоре? Как лёгкий дым! И они остаются ни живые ни мёртвые. И продолжают жить только потому, что век человеческий не такой короткий, как у цикад! Я бы прибавил, что нет такой любви, которая держала бы нас в вечном упоении. Но передумал. В жару, когда мысли крутятся вокруг пляжа, начинать серьёзный разговор не было желания. Да я и знал ответ жены. Наверняка она сказала бы, что, как и цикады, человек рождается для любви. И только. «Но все мы думаем, что есть нечто важное, более значимое для нас, – начнёт развивать она свою мысль, – к чему мы

постоянно стремимся, не замечая, что умертвляем любовь. В погоне за призрачным отказываемся от неё и – подписываем себе приговор. Вместо того, чтобы оставаться живыми: взращивать в себе терпение, искать сострадание, подпитываться заботой друг о друге, – мы гоняемся за материальным благополучием и высушиваем свои души, которые становятся похожими на мёртвых цикад». И приведёт какой-нибудь пример из духовной литературы, вроде слов апостола Павла о том, что любовь всё покрывает, чем полностью обезоружит меня, тем более что, по большому счёту, я с ней согласен. Сдаётся мне, люди знают пути если не к вечному восторгу, то к долгой любви. Знают, как сохранить её, да не хотят двигаться в этом направлении, испорченные всеизволенностью общественной морали. Они думают, что обладают правом выбора. А потому не могут понять, что это право закрепощает их больше любого закона, делая рабами собственного каприза.

Мы молчали, думая о своём и продолжая разглядывать кусты, скрывающие от наших глаз громкоголосых исполнителей. Теперь цикады будут петь до конца октября, и, возможно, я начну свой роман. Во всяком случае, очень надеюсь на это, потому что ничто так не услаждает мой слух, ничто так не действует на мои нервы, успокаивая и расслабляя их, ничто так сильно не вызывает желание вспомнить прошлое и написать о нём, как резкий треск этих насекомых. Поэтому я с надеждой и радостью прислушиваюсь к звонкому хору за окном, позволяя своим мыслям растечься, раствориться в его звуках без остатка, лишь бы накопить достаточно энергии для творчества.

Цикады начинают петь рано утром, когда застенчивые лучи восходящего солнца тянутся из-за моря к вершинам близких гор, по пути пробираясь между ветками деревьев и к нашим окнам. А заканчивают вечером, когда последний блик скатившегося за горы диска окончательно растворяется во тьме. Но лето выдалось жарким, температуры растут, поэтому цикады поют не умолкая. Днём и ночью они сотрясают горячий воздух сложным феерическим дребезжанием, накрепко прирастая к деревьям своими ликующими криками.